

Ссылка для цитирования этой статьи:

Бегова Д.Я., Саидов Г.С. Роль прокурора в уголовном процессе Российской Федерации: нормативная модель и функциональные противоречия // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 9. С. 20. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_9/Begova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-9a-3.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Бегова Динара Якубовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Саидов Гаджи Сайгидович

магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет;
независимый исследователь,
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуется нормативная модель статуса прокурора в уголовном процессе Российской Федерации в историческом и современном контексте. На основе анализа Конституции РФ, Уголовно-процессуального кодекса и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» показано, что современный прокурор сочетает функции государственного обвинения, надзора за соблюдением законности и координации деятельности правоохранительных органов. Особое внимание уделено реформе 2007 года, которая лишила прокуратуру руководства предварительным следствием и породила дискуссии о снижении эффективности прокурорского надзора. Рассматриваются позиции отечественных учёных о перспективах возврата к концепции прокурорского следствия, а также альтернативные подходы, предполагающие развитие компенсаторных механизмов надзора и баланс между обвинительной и контрольной функциями. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового статуса прокурора с учётом исторического опыта и зарубежных моделей.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, государственное обвинение, прокурорский надзор, прокурорское следствие, уголовное преследование.

Введение

Вопрос о роли и статусе прокурора в уголовном процессе Российской Федерации остаётся одной из наиболее дискуссионных тем в уголовно-процессуальной науке. Сложившаяся модель участия прокуратуры в уголовном судопроизводстве отражает противоречивое сочетание двух начал: функции государственного обвинения и функции надзора за соблюдением законности. Именно это противоречие определяет особое место прокурора среди участников процесса и вызывает необходимость постоянного научного осмысления.

Исторический опыт показывает, что в советский период прокурор обладал значительно более широкими полномочиями, включая руководство предварительным следствием, что закрепило в доктрине концепцию «прокурорского следствия». Однако реформа 2007 года радикально изменила систему, лишив прокуратуру процессуального контроля за ходом расследования и передав его руководителям следственных органов. В результате сложилась современная дуалистическая конструкция, в которой прокурор ограничен надзорной и обвинительной функциями, что, по мнению ряда исследователей, ослабило эффективность защиты прав граждан.

Современная дискуссия концентрируется вокруг двух вопросов: насколько существующая модель прокурорского участия в уголовном процессе обеспечивает достижение задач правосудия и возможно ли её совершенствование в сторону расширения полномочий, включая частичное возвращение элементов прокурорского следствия. Научные позиции по данной проблеме существенно расходятся: от утверждений о необходимости укрепления роли прокурора как гаранта законности до предложений о дальнейшем разграничении функций надзора и обвинения во избежание их конфликта.

Результаты и обсуждение

Эволюция статуса прокурора в уголовном процессе России тесно связана с развитием отечественной модели предварительного расследования. В советский период, начиная с конца 1920-х годов, в рамках концепции прокурорского следствия прокурор сочетал функции надзора и непосредственного руководства следствием. Как отмечал М.А. Чельцов, именно прокурор должен был рассматриваться «хозяином предварительного следствия», а следователь выступал его процессуальным помощником [16].

В 1930–1950-е годы данная модель закрепились на институциональном уровне: прокуратура обладала полномочиями возбуждать уголовные дела, поручать их расследование следователю либо изымать и вести лично. Эта практика, несмотря на критику за чрезмерную

концентрацию полномочий, сохранялась вплоть до начала XXI века. М. С. Строгович подчеркивал, что подобное совмещение обеспечивало прокурору возможность быть гарантом законности на досудебной стадии [11].

Реформа 2007 года коренным образом изменила статус прокуратуры, лишив её руководства следствием и передав соответствующие полномочия руководителям следственных органов. Как справедливо отмечает В.Н. Григорьев, именно этот шаг ознаменовал окончательный переход к модели институционального разделения функций обвинения, надзора и расследования [4]. В результате возникла современная дуалистическая конструкция: прокурор сохранил полномочия по надзору и поддержанию обвинения, но лишился возможности напрямую влиять на процесс расследования, что и породило нынешние дискуссии о перспективах возвращения к концепции прокурорского следствия.

Вопрос о нормативной природе статуса прокурора в уголовном процессе Российской Федерации является одним из ключевых в отечественной уголовно-процессуальной науке. Конституция РФ закрепляет прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, призванных осуществлять надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, а также уголовное преследование в пределах своей компетенции (ст. 129) [1]. Уже на этом уровне прослеживается дуализм функций прокурора: с одной стороны, он является гарантом законности, с другой — участником процессуальной деятельности, направленной на поддержание обвинения.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 37) конкретизирует эти конституционные положения, определяя прокурора как должностное лицо, уполномоченное от имени государства осуществлять уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия [2]. Такая формула нормативного закрепления отражает двойственный характер его роли, который, как отмечает С.В. Корнакова, в российской модели отличается ограниченностью в сфере предварительного следствия по сравнению с зарубежными юрисдикциями, где прокурор обладает существенно более широкими полномочиями [3, с. 154].

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 закрепляет организационно-правовые основы деятельности прокуратуры, её принципы единства и централизации, а также независимость от иных органов власти (ст. 1, 4) [4]. Эти принципы должны обеспечивать согласованность действий прокуроров разных уровней, однако, как справедливо указывает А.В. Петров, в судебных стадиях уголовного процесса на практике нередко возникает ситуация расхождения позиций государственных обвинителей, что свидетельствует о неполной реализации нормативного принципа единства [5, с. 28-29].

Существенные изменения в нормативной модели статуса прокурора внес Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, которым полномочия прокурора по непосредственному руководству предварительным следствием были переданы руководителям следственных органов. По мнению А. В. Спирина, это привело к снижению эффективности прокурорского надзора, поскольку прокурор оказался лишён реальных инструментов влияния на ход расследования, сохранив лишь функцию последующего реагирования [6]. Аналогичную позицию развивает Н. В. Бабич, который связывает реформу 2007 г. с отходом от концепции прокурорского следствия и ослаблением роли прокурора в досудебном производстве [7].

Таким образом, современная нормативная модель закрепляет за прокурором два блока полномочий: поддержание государственного обвинения в суде и надзор за законностью процессуальной деятельности органов расследования. При этом, как справедливо подчёркивают Ю.В. Францифоров и соавторы, указанная модель нуждается в совершенствовании, так как существующая конструкция не позволяет в полной мере обеспечить реализацию задач уголовного судопроизводства и защиту прав граждан [8].

Итак, в нормативной модели статуса прокурора прослеживается внутреннее противоречие: формально прокурор призван быть гарантом законности и процессуального баланса, однако фактическое ограничение его полномочий в досудебной стадии приводит к размыванию этой функции. Научная дискуссия вокруг этой проблемы отражает необходимость переосмысления роли прокуратуры в уголовном процессе, в том числе в направлении возвращения части утраченных полномочий.

Рассматривая место прокурора в системе уголовного судопроизводства, правовая наука традиционно выделяет три основные функции: уголовное преследование, надзор за соблюдением законности и координацию деятельности правоохранительных органов. Эта тройственная модель не является формальной конструкцией: она выражает исторически сложившийся характер прокуратуры как органа, сочетающего обвинительные и контрольные полномочия.

Функция уголовного преследования является наиболее «видимой» и традиционно воспринимается обществом как основная. Прокурор поддерживает государственное обвинение в суде, обеспечивая публичный интерес в наказании виновного. Вместе с тем прокурорская деятельность не сводится к механическому отстаиванию обвинения: Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно отмечал, что прокурор обязан отказываться от обвинения при выявлении его несостоятельности, поскольку цель его деятельности состоит в обеспечении правосудия [9].

В научной литературе этот аспект также активно обсуждается. Как было отмечено ранее, А.В. Петров связывает трудности реализации обвинительной функции с проблемой единства позиции прокуратуры [5, с. 28-29]. В то же время Л. А. Воскобитова справедливо подчеркивает, что задача прокурора в суде должна состоять в поддержании «обоснованного обвинения», а не обвинения любой ценой, иначе неизбежен уклон в сторону репрессивности [10].

Вторая функция — надзорная — исторически являлась основой статуса прокурора. Она закреплена в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и в ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Содержание надзора заключается в контроле за деятельностью органов дознания и следствия, отмене незаконных решений, реагировании на нарушения прав и свобод граждан.

Ещё М.С. Строгович писал, что прокурор в уголовном процессе — это прежде всего «гарант законности», а его роль не должна ограничиваться утверждением обвинительного заключения [11, с. 223]. Современные исследователи во многом развивают эту мысль. К.А. Таболина указывает, что прокурор, лишённый полномочий возбуждать уголовные дела и напрямую влиять на ход расследования, фактически превращается в «пассивного наблюдателя», что существенно снижает эффективность надзора [12]. Г.К. Смирнов также отмечает, что надзор прокурора в нынешнем виде не позволяет ему оперативно реагировать на нарушения на ранних стадиях расследования, из-за чего постфактум контроль не всегда способен восстановить нарушенные права [13].

Ограничение полномочий прокурора после реформы 2007 г. вызвало особенно оживлённую дискуссию. Одни авторы считают перераспределение функций между прокурором и руководителем следственного органа объективной необходимостью, обеспечившей баланс процессуальных полномочий [8]. Другие (А.О. Бозоян, Ц.С. Дондоков) подчёркивают, что лишение прокуратуры функции предварительного следствия ослабило её как органа уголовного преследования и привело к снижению качества контроля за расследованием [14].

Третья функция — координационная — является наименее исследованной, однако имеет важное значение для организации борьбы с преступностью. Она закреплена в ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре РФ» и выражается в способности прокуратуры согласовывать деятельность различных правоохранительных органов, устранять ведомственные конфликты и дублирование полномочий.

Н.А. Колоколов подчёркивает, что именно координационная функция позволяет прокуратуре компенсировать утрату ряда процессуальных полномочий: через проведение координационных совещаний, разработку методических рекомендаций и контроль за их

реализацией прокуратура формирует единое направление уголовной политики государства [15].

Совмещение прокурором функций обвинения, надзора и координации объективно создаёт внутренние противоречия. По нашему мнению, прокурор, одновременно инициирующий уголовное преследование и надзирающий за ним, неизбежно оказывается в ситуации контроля над самим собой, что снижает объективность процесса. В то же время сторонники концепции прокурорского следствия видели в объединении функций гарантию законности, полагая, что только при подчинении следователя прокурору можно избежать ведомственного разобщения.

На наш взгляд, решить проблему можно не через возвращение к прежней модели прокурорского следствия, а путём выработки эффективных компенсаторных механизмов прокурорского надзора.

Таким образом, функциональная тройственность роли прокурора представляет собой уникальную особенность российской модели уголовного судопроизводства. Она отражает историческое развитие прокуратуры как органа, сочетающего функции обвинителя, контролёра и координатора. Однако современное законодательство нарушает баланс этих направлений: обвинение стало доминирующей функцией, надзор оказался ограниченным, а координация — недостаточно институционализированной. Решение этой проблемы требует пересмотра процессуальных полномочий прокуратуры с учётом исторического опыта и зарубежных моделей, что и определяет перспективы дальнейших реформ.

Заключение

Исследование роли прокурора в уголовном процессе Российской Федерации показывает, что статус этого института сформировался на пересечении двух разнонаправленных начал — функции государственного обвинения и функции надзора за законностью. Историческое развитие прокуратуры, от концепции прокурорского следствия до реформы 2007 года, свидетельствует о постоянном поиске баланса между этими началами.

Современная нормативная модель, основанная на конституционных положениях, УПК РФ и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», закрепляет за прокурором ключевые полномочия в сфере поддержания обвинения и надзора. Однако ограничение его участия в досудебной стадии существенно ослабило возможности эффективного контроля за деятельностью следственных органов. Это создало почву для обвинительного уклона и породило необходимость поиска новых компенсаторных механизмов прокурорского надзора.

Функциональная тройственность — обвинение, надзор, координация — остаётся характерной особенностью российского уголовного процесса, но её внутренний дисбаланс затрудняет достижение целей правосудия. Научная дискуссия о перспективах возвращения к прокурорскому следствию или о создании новых форм контроля (например, института следственного судьи) отражает актуальность проблемы.

Таким образом, дальнейшее совершенствование статуса прокурора в уголовном процессе должно быть направлено не на механическое восстановление утраченных полномочий, а на выработку современных правовых механизмов, позволяющих соединить эффективность уголовного преследования с надлежащей защитой прав и свобод личности. Только в условиях такого баланса прокуратура сможет в полной мере реализовать свою конституционную миссию — быть гарантом законности и справедливости в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. и доп.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Корнакова С.В. Полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства в России и за рубежом / С.В. Корнакова // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 149–155.
4. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // ВСНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
5. Петров А.В. О единстве позиции прокуратуры в судебных стадиях уголовного процесса / А.В. Петров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 2. С. 27–31.
6. Спиринов А.В. Правообеспечительная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовным делам / А.В. Спиринов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 149–155.
7. Бабич Н.В. К вопросу о возвращении к концепции прокурорского следствия в России / Н.В. Бабич // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 232–239.
8. Францифоров Ю.В., Шинкарук В.В., Третьяков Ю.В. Вопросы совершенствования деятельности прокуратуры в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Францифоров, В.В. Шинкарук, Ю.В. Третьяков // Legal Concept. 2022. Т. 21. № 2. С. 21–27.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения: 21.09.2025)
10. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? / Л.А. Воскобитова // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455 – 462.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. / М.С. Строгович – Москва: Наука, 1968. 470 с.
12. Таболина К.А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел / К.А. Таболина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). С. 129–138.
13. Смирнов Г.К. Проблемы совершенствования института участия прокурора в досудебном производстве / Г.К. Смирнов // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 50–52.
14. Колоколов Н.А. Великое противостояние: следователь vs прокурор / Н.А. Колоколов // Библиотека криминалиста. 2014. № 5 (16). С. 244–255.
15. Бозоян А.О. Становление и реализация концепции уголовного преследования, прокурорского следствия и надзора за ним / А.О. Бозоян, Ц.С. Дондоков // Вестник ЗабГУ. 2013. № 9. С. 160–172.
16. Чельцов М.А. Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя / М.А. Чельцов // Социалистическая законность. 1937. № 3. С. 28.

THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION: A NORMATIVE MODEL AND FUNCTIONAL CONTRADICTIONS

Begova Dinara Yakubovna

Candidate of Law,

Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute,

Dagestan State University,

Makhachkala, Russian Federation

Saidov Gadzhi Saigidovich

Master's Student,

Law Institute,

Dagestan State University;

Independent Researcher,

Makhachkala, Russian Federation

Abstract. The article examines the normative model of the prosecutor's status in the criminal procedure of the Russian Federation in a historical and modern context. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", it is shown that the modern prosecutor combines the functions of public prosecution, law enforcement supervision and coordination of law enforcement agencies. Special attention is paid to the reform of 2007, which deprived the prosecutor's Office of the leadership of the preliminary investigation and gave rise to discussions about reducing the effectiveness of prosecutorial supervision. The positions of Russian scientists on the prospects of returning to the concept of prosecutorial investigation, as well as alternative approaches involving the development of compensatory oversight mechanisms and a balance between prosecutorial and control functions are considered. It is concluded that it is necessary to improve the legal status of the prosecutor, taking into account historical experience and foreign models.

Keywords: prosecutor, criminal procedure, public prosecution, prosecutorial supervision, prosecutorial investigation, criminal prosecution.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, as amended and supplemented).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001, No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Article 4921.
3. Kornakova, S.V. Powers of the Prosecutor in Criminal Proceedings in Russia and Abroad / S.V. Kornakova // Current Issues of Russian Law. 2025. Vol. 20. No. 3. Pp. 149–155.
4. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of 17 January 1992, No. 2202-I // Supreme Council of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. No. 8. Art. 366.
5. Petrov AV On the Unity of the Prosecutor's Office's Position at the Judicial Stages of Criminal Proceedings / AV Petrov // Bulletin of SUSU. Series "Law". 2025. Vol. 25. No. 2. Pp. 27–31.
6. Spirin AV Law Enforcement Activities of the Prosecutor in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases / AV Spirin // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. Pp. 149–155.
7. Babich NV On the Issue of Returning to the Concept of Prosecutor's Investigation in Russia / NV Babich // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 1. Pp. 232–239.
8. Franciforov Yu.V., Shinkaruk V.V., Tretyakov Yu.V. Issues of improving the activities of the prosecutor's office in criminal proceedings / Yu.V. Franciforov, V.V. Shinkaruk, Yu.V. Tretyakov // Legal Concept. 2022. Vol. 21. No. 2. Pp. 21–27.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.12.2003 N 18-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with inquiries of courts of general jurisdiction and complaints of citizens" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (date of access: 21.09.2025)
10. Voskobitova L.A. Accusation or accusatory bias? / L.A. Voskobitova // Current problems of Russian law. 2014. No. 3. Pp. 455–462.
11. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Volume 1: Basic Provisions of the Science of Soviet Criminal Procedure. / M.S. Strogovich – Moscow: Nauka, 1968. 470 p.
12. Tabolina K.A. On the Need to Strengthen the Role of the Prosecutor in the Procedure of Initiating and Investigating Criminal Cases / K.A. Tabolina // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2018. No. 2 (42). Pp. 129–138.
13. Smirnov G.K. Problems of Improving the Institute of Prosecutor's Participation in Pre-Trial Proceedings / G.K. Smirnov // Russian Justice. 2008. No. 11. Pp. 50–52.

14. Kolokolov N.A. The Great Confrontation: Investigator vs. Prosecutor / N.A. Kolokolov // *Criminologist's Library*. 2014. No. 5 (16). Pp. 244–255.
15. Bozoyan A.O. Formation and Implementation of the Concept of Criminal Prosecution, Prosecutor's Investigation and Supervision Thereof / A.O. Bozoyan, Ts.S. Dondokov // *Bulletin of ZabSU*. 2013. No. 9. Pp. 160–172.
16. Cheltsov M.A. Initiation of Criminal Prosecution and the Procedural Status of the Investigator / M.A. Cheltsov // *Socialist Legality*. 1937. No. 3. P. 28.